

Филиппины XIX века в восприятии русских исследователей Ивана Гончарова и Людвиг Хориса

PHILIPPINES OF THE 19TH CENTURY AS SEEN BY TWO RUSSIAN EXPLORERS: IVAN GONCHAROV AND LOUIS CHORIS

© 2023 **Дарья Сергеевна Панарина**

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
Института востоковедения РАН, Москва, Россия
d.panarina@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0003-3756-4056

Daria S. Panarina

PhD (Cultural Studies), Senior Researcher, Centre for South-East Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; d.panarina@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0003-3756-4056

Статья рассказывает о присутствии русских мореплавателей на Филиппинах и об их впечатлениях от Манилы и о-ва Лусон XIX в. Автор рассматривает два посещения Филиппин русскими мореплавателями: в ходе экспедиции О. Коцебу 1815–1818 гг. во время необходимого кораблю ремонта и в 1854 г. во время плавания русских в Японию. Рассматриваются впечатления участников путешествия — русского немца Людвиг Хориса, являвшегося художником экспедиции, и немца Адельберта Шамиссо — приглашенного натуралиста. Образ Филиппин второй половины XIX в. показан через путевые заметки русского писателя И. А. Гончарова, участвовавшего в экспедиции Е. В. Путятин в качестве секретаря. В тексте приводятся цитаты из книг, изданных на основе путевых заметок, дневников и наблюдений всех упомянутых мореплавателей. Статья проиллюстрирована рисунками Л. Хориса, сделанными во время стоянки в Маниле, и более поздними литографиями 1860-го года, взятыми из произведений иностранных путешественников, посещавших Филиппины в тот же период.

Ключевые слова: Манила, Лусон, тагал, Л. Хорис, А. Шамиссо, И. Гончаров

Для цитирования: Панарина Д. С. Филиппины XIX века в восприятии русских исследователей Ивана Гончарова и Людвиг Хориса. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 2. С. 210–232. DOI: 10.18254/S268684310026704-2

The paper depicts the presence of Russian navigators in the Philippines and their impressions of Manila and the island of Luzon in the 19th century. The author considers two visits by Russian navigators to the Philippines: During the expedition of O. Kotzebue in 1815–1818 when necessary, repairs to the ship were being taken and in 1854 during the Russian voyage to Japan. Among the members of the first expedition, the impressions of the Russian German Louis Khoris, who was the artist of the expedition, and the German A. Chamisso, a visiting naturalist, are considered. Image of the Philippines in the second half of the 19th century is shown through the travel notes of the Russian writer Ivan A. Goncharov, who participated in the expedition of E. V. Putyatin as a secretary. The text contains quotations from books published on the basis of travel notes, diaries and observations of all the navigators mentioned above. The article is illustrated with drawings by L. Khoris made during the stay in Manila and later lithographs of the year 1860 taken from the works of foreign travelers visiting the Philippines during the same period.

Keywords: Manila, Luzon, Tagalog, Lois Choris, A. Chamisso, Ivan Goncharov

For citation: Panarina Daria S. Philippines of the 19th Century as Seen by Two Russian Explorers: Ivan Goncharov and Louis Choris. *Oriental Courier*. 2023. No. 2. Pp. 210–232. DOI: 10.18254/S268684310026704-2

Л. ХОРИС И А. ШАМИССО НА ЛУСОНЕ

Несмотря на удаленность Юго-Восточной Азии от России, территории Южных морей и в целом — Тихого океана вызвали интерес русских исследователей в XVIII–XIX вв. Кругосветные путешествия, совершенные русскими мореплавателями в XIX веке, дополнили знания русского научного сообщества и читающей публики об обществах, народностях, флоре, фауне и прочих характерных чертах многих островных государств Южного полушария.

В ходе одного из кругосветных путешествий (1815–1818 гг.) мореплаватели на корабле «Рюрик» под командованием Отто фон Коцебу не обошли вниманием и Филиппинские острова. И хотя пребывание русских мореплавателей на острове Лусон было непродолжительным, некоторые участники экспедиции смогли составить впечатления о двух городах — Маниле и Кавите, — а также о стране в целом. В данной статье автор анализирует записи, сделанные

художником экспедиции Людвигом Хорисом и натуралистом Адельбертом Шамиссо, исследовавшими часть острова Лусон, и, в частности, вулкан Тааль. Но сначала несколько слов о героях статьи.

Людвик (Людвиг) Хорис (1795–1828), русский немец, родился в Екатеринославле, в Харьковской губернии. Рано потеряв родителей, еще ребенком он переехал в Санкт-Петербург, куда его взял с собой коллега его родителей И. Матес. До отъезда в Санкт-Петербург Хорис воспитывался в Харьковской гимназии и уже с раннего детства проявлял большие способности к рисованию и особенный интерес к естественным наукам, с большим талантом зарисовывая всевозможные сюжеты из естественной истории.

Благодаря способностям Хорису в 1813 г. представился случай участвовать в качестве рисовальщика в экспедиции известного ботаника барона Боберштейна на Кавказские горы. Вернувшись из путешествия, Хорис в 1814 г. поступил в Императорскую Академию художеств, но отучился там только один год. Зарекомендовав себя в кавказской экспедиции, он получил в

1815 г. приглашение участвовать в кругосветном плавании под начальством О. Е. Коцебу на корабле «Рюрик», снаряженном государственным канцлером графом Румянцевым. Вместе с другими членами команды (всего 27 человек)¹ Хорис посетил множество островов, включая Сандвичевы о-ва, Филиппинские о-ва, и т. д., и везде делал рисунки.

Целью экспедиции было исследование Берингова пролива и поиск прохода между Россией и Аляской, тогда русским владением, через Арктику. «Рюрик» вышел из Кронштадта 3 июля 1815 года и достиг Тихого океана через мыс Горн. После первого сезона исследования Берингова пролива летом 1816 года корабль вернулся в Калифорнию, тогда принадлежавшую Испании, для дозаправки и остался на месяц в Сан-Франциско, прежде чем провести 4 месяца зимовки на Гавайях. Новая попытка пройти Арктику была предпринята летом 1817 года, но не удалась из-за обледенения океана и поразивших команду болезней. Затем «Рюрик» вернулся в Европу через Филиппины, Южную Африку и Лондон, прежде чем завершить свое кругосветное путешествие в Санкт-Петербурге 3 августа 1818 года².

Рисунки Хориса носили отпечаток оригинальности и большого реализма, шедшего вразрез с принятым художниками того времени обычаем прибегать в изображении дикарей и их жизни к идеализации. Рисунки вошли в состав следующих двух изданий: 1) “*Voyage pittoresque autour du monde*”, Paris, 1821–1823; 22 тетради в лист с изображениями дикарей четырех частей света, их жилищ, оружия, домашней утвари, музыкальных инструментов и т. п., а также животных, птиц и растений; текст этого издания написан немецким поэтом Шамиссо, участвовавшим в

экспедиции Коцебу, и такими известными учеными, как Кювье и Галль, и многими другими; 2) “*Vues et paysages des regions equinoxiales, recueillis dans un voyage autour du monde*”, Paris, 1826; 24 рисунка в малый лист (это издание является дополнением к первому)³.

Вот как сам Хорис писал об этом путешествии: «Едва исполнившись двадцати лет, я отправился рисовальщиком с этой экспедицией, расходы на которую взял на себя граф Румянцев [бывший] канцлер Российской империи... В ходе этого путешествия, длившегося три года, все предметы, которые поразили мое юношеское воображение и мои глаза, были собраны и нарисованы мной, иногда с праздностью, позволяемой продолжительным пребыванием, иногда с быстротой, необходимой для краткого появления» [Choris, 1822]. А вот как он — весьма кратко, но положительно — описывал пребывание команды в Маниле и Кавите на Филиппинах.

«28 ноября мы увидели остров Лусон на расстоянии 30 морских миль. Из-за течения, несшего [нас] с большой силой на север, и штиля, не позволившего нам сильно продвинуться, мы смогли войти в порт Манилы только 3 декабря.

Дон Мигель де Фультгерас, губернатор Филиппин, принял нас очень хорошо и сделал все, что было в его силах, чтобы помочь нам. Медь нашей обшивки, слишком тонкая, была в очень плохом состоянии; нам везут [медь] со складов адмиралтейства в Кавите, чтобы заменить ее. Дом дона Хосе Амадора был открыт для нас; все испанцы Манилы и Кавите были добры к нам, так что наше пребывание на острове Лусон было очень приятным.

В то время в Кавите стояло французское судно “Эглантин” из Бордо, которым командовал капитан Герен М. дю Сюмье, суперкарго, и г-н

- 1 Choris Louis. Voyage pittoresque autour du monde. Author note / American Journeys. Eyewitness Accounts of Early American Exploration and Settlement: A Digital Library and Center. URL: <https://www.americanjourneys.org/aj-087/summary/> (accessed 31.03.2023).
- 2 Choris Ludovik. Au Cactus Francophone. URL: <https://www.cactuspro.com/encyclo/Choris--Ludovik> (accessed 31.03.2023).
- 3 Биография: Хорис Логгин (Людвиг) Андреевич. URL: <https://biographiya.com/xoris-loggin-lyudvig-andreevich/> (accessed 31.03.2023).

Оливье, врач, они составили две коллекции: первую — очень красивых и очень многочисленных птиц, и вторую — коллекцию насекомых.

17 (29) января 1818 г. мы покинули Кавите в сопровождении этого корабля, чтобы вместе плавать в малоизвестных морях Китая; кроме того, он [корабль] не был достаточно вооружен и не имел достаточно большой команды, чтобы защитить себя от малайских пиратов, которыми они [моря] кишат.

Во время нашего пребывания на Лусоне естествоиспытатель экспедиции г-н Шамиссо совершил экскурсию в глубь этого острова, в частности к вулкану Тааль. Он имел любезность сообщить мне о своем описании [экскурсии] и разрешить мне опубликовать его с рисунком вулкана. Думаю, я порадую своих читателей, включив его в свою работу» [Choris, 1822, p. 362–363].

К сожалению, Хорис не слишком много писал о Маниле или Филиппинах, и его рисунки здесь были также немногочисленны. Автору удалось найти 4 из них, это вид на Манильскую бухту (Илл. 1), вид на вулкан Тааль, нарисованный А. Шамиссо и включенный в издание Хориса (Илл. 2), рисунок женского и мужского малайских костюмов жителей Лусона (Илл. 3) и портрет горной жительницы острова Лусона (Илл. 5).

На переднем плане рисунка видны пятеро мужчин, гребущих в море на *бангке*⁴ или каноэ. На каждом из них надет полосатый тагальский *баронг*⁵. Некоторые носят *салакот*⁶ на голове для защиты от солнца и дождя. На заднем плане

большие корабли с поднятыми парусами, город-крепость Манила и горы [Gonzales, 2022].

На рисунке отчетливо виден в том числе и традиционный головной убор тагалов, уже упоминавшийся выше — *салакот*. Целиком же национальный мужской костюм тагалов в эпоху испанского колониального владычества прекрасно запечатлел в своих путевых заметках другой, уже европейский путешественник (Илл. 4):

На (Илл. 4) зафиксированы все характерные части тагальского традиционного костюма: и расшитая рубашка *баронг тагалог* (такие используются до сих пор), и *эсклавин* — тип накидки от дождя из листьев ананаса. Автор книги, из которой позаимствована данная иллюстрация, пишет о тагальском костюме следующее: «Несколько слов вскользь о мужском костюме. Индийцы и метисы носят в качестве головного убора большую черную или белую соломенную шляпу или своего рода китайскую шляпу, называемую *салакотом*; на плече вышитый ананасовый платок; на шее коралловые четки. Их сорочка из ананасовой нити или растительного шелка; Цветные шелковые брюки с вышивкой по низу и красный пояс из крепдешина завершают этот наряд. Их ноги без чулок обуты в европейские туфли» [Gironière, 1855, p. 57].

В целом, и на иллюстрации из книги Жироньера, и на рисунках Хориса видно, что тагальский костюм тех времен сочетал в себе элементы как местной культуры, так и европейского стиля. Это можно сказать и о мужском, и о женском костюмах (Илл. 5).

4 *Бангка* — различные местные плавсредства Филиппин. Первоначально этот термин обозначал небольшие долбленые каноэ с двумя аутригерами, используемым в реках и на мелководье в прибрежных водах, но с XVIII века этот термин стал использоваться и в отношении более крупных судов с проушинами, с аутригерами или без них. Хотя термин, используемый на Филиппинах, один и тот же, «бангка» может относиться к очень разнообразным лодкам, характерным для разных регионов.

5 Тагальский *баронг* (букв. «тагальское платье»), более известный просто как *баронг* (а иногда и *баро*), представляет собой вышитую официальную рубашку с длинными рукавами для мужчин и национальную одежду Филиппин. Тагальский *баронг* сочетает в себе элементы как доколониального филиппинского, так и колониального испанского стилей одежды.

6 *Салакот* — традиционный легкий головной убор с Филиппин, который широко использовался в доколониальную эпоху и до наших дней для защиты от солнца и дождя. У каждой этнолингвистической группы на архипелаге есть свой вариант, но все они обычно имеют куполообразную или конусообразную форму и могут варьироваться в размерах от очень широких полей до почти шлемовидных.

Илл. 1. Людвиг Хорис. Вид на город Манилу (Филиппинские острова)
Опубликовано в Париже, Франция, 1826 г.

Fig. 1. Louis Choris. *Vue de la ville de Manille (Iles Philippines)*
From the book "Voyage dans le Pacifique", 1826

Source: Dating back 200 years ago: The old PH-Russia ties / Philippines News Agency. June 1, 2019.
URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1071240> (accessed 31.03.2023)

Илл. 2. Вулкан Тааль на острове Лусон, нарисовано с натуры А. Шамиссо
По: [Choris, 1822, с. 345]

Fig. 2. *Volcan de Taal, dans l'île de Luzon, dessiné d'après nature par A. de Chamisso*
Source: [Choris, 1822, p. 345]

URL: https://iiif-cloud.princeton.edu/iiif/2/5c%2Feb%2Fd5%2F5ceb5b3800f4ba2a282a4ef01b679c5%2Fintermediate_file/full/1000,1650/0/default.jpg (accessed 31.03.2023)

Илл. 3. Людвиг Хорис. Мужской и женский малайский костюм жителей Лусона

По: [Choris, 1822, с. 341]

Fig. 3. Louis Choris. Costumes des Malais de l'île de Luzon

Source: [Choris, 1822, p. 341]

URL: https://iiif-cloud.princeton.edu/iiif/2/9a%2Ff3%2F33%2F9af333f9682045389b9ba56e719cbc12%2Fintermediate_file/full/1000,1650/0/default.jpg (accessed 31.03.2023)

Илл. 4. Анри Валентен. Тагальский костюм

По: [Gironière, 1855, с. 58]

Fig. 4. Henry Valentin. Costumes tagals

Source: [Gironière, 1855, p. 58]

URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/21804/pg21804-images.html> (accessed 31.03.2023)

Илл. 5. Людвиг Хорис. Горная жительница Лусона

По: [Choris, 1822, с. 343]

Fig. 5. Louis Choris. Fille des montagnes dans l'île de Luzon

Source: [Choris, 1822, p. 343]

URL: https://iiif-cloud.princeton.edu/iiif/2/1c%2Fff%2F5e%2F1cff5e7ff3de48109f502f7ddc6efe81%2Fintermediate_file/full/1000,1650/0/default.jpg (accessed 31.03.2023)

Вернемся к образам Манилы и Филиппин в целом. Краткие впечатления Хориса можно дополнить описаниями А. Шамиссо⁷, также дающего позитивную оценку пребывания «Рюрика» в Маниле, отмечающего загруженность порта, что указывает на оживленность Манилы как торгового города и упоминающего о том, что губернатор принял их любезно и оказал всю необходимую помощь. Отдельно Хорис останавливается на том, как хорошо отремонтировали корабль.

«15-го днем мы оказались у входа в Манильский залив. Телеграф острова Коррехидор сообщил о нашем прибытии. Остров, защищающий вход в красивую бухту, как мне показалось, представляет собой верх частично затопленного кратера. Когда мы плыли вдоль побережья Лусона, нам встретились два парусных судна; здесь их было уже немало.

Наступала ночь, и мы лавировали против восточного ветра, чтобы войти в бухту; к нам подплыла двадцативесельная лодка с офицером пограничной стражи. Он доставил лоцмана, который должен был провести нас в Манилу.

Мы продвигались вперед крайне медленно; оживленное движение судов в бухте свидетельствовало о близости крупного торгового города. Ветер прекратился, и днем 17-го мы стали на якорь. Генерал-губернатор Филиппин дон Фернандо Мариана де Фульгерас прислал двух офицеров приветствовать капитана. Капитан воспользовался случаем и в их лодке отправился на берег, взяв и меня с собой. На рейде стояло восемь английских и американских торговых судов. Губернатор принял нас весьма любезно и обещал предоставить помощь. Та же лодка доста-

вила нас обратно. В этот вечер мы снялись с якоря, чтобы направиться в Кавите, гавань и арсенал Манилы, где нам надлежало ожидать распоряжений губернатора. Однако штиль задержал нас и вынудил снова бросить якорь. Рыбачьи лодки привезли нам на продажу свой улов. Лишь 18-го днем мы прибыли в Кавите. 19-го дон Тобиас, комендант арсенала, получил относящиеся к нам указания. «Рюрик» сразу же ввели в арсенал. Его груз и команду разместили на пустом галеоне; нам был отведен приличный дом. 20-го мы поселились в нем. Капитан пожелал, чтобы у его дверей стояли часовые, но, не имея права претендовать на почетный караул, согласился на простую охрану. Мы были уже не в Чили, а здесь разбирались в том, что согласуется с европейскими обычаями, а что нет. Вместо желаемого часового появился вестовой, присланный в распоряжение русского капитана, который отослал его, с трудом скрывая недовольство.

Тем временем дон Тобиас вместе с корабельных дел мастером осмотрел «Рюрик», и сотня рабочих сразу же принялась его ремонтировать. Трудясь споро и со знанием дела, они закончили все необходимые работы еще до истечения двухмесячного срока — такова продолжительность северо-восточного муссона в этой гавани. Все повреждения были устранены, выполнен необходимый ремонт, заменена оснастка; судно заново обшили медными листами, поскольку с самого начала обшивка не была сделана как полагается, из-за чего мы постоянно испытывали трудности; усовершенствовали и рулевое управление, что заметно ускорило ход корабля. «Рюрик» вышел из арсенала Кавите помолодевшим. Теперь он мог бы опять совершить кругосветное

7 Адельбэрт фон Шамиссо происходил из семьи французских дворян, эмигрировавших в Германию в годы Французской революции. Шамиссо служил пажом при прусском дворе, затем окончив курс в гимназии в Берлине, поступил на прусскую военную службу (1801–1806). При этом он интересовался литературой и естествознанием, преимущественно ботаникой. В 1806 г. оставил военную службу и вернувшись в Берлин записался студентом медицины в университет, продолжая изучать ботанику и зоологию. В 1815 году Шамиссо получил приглашение отправиться в качестве естествоиспытателя в кругосветное плавание на бриге «Рюрик», снаряженном графом Н. П. Румянцевым, под командой русского капитана О. Е. Коцебу. Его записи об экспедиции, озаглавленные «Reise um die Welt» («Путешествие вокруг света», 1834–36; в двух частях, издано в 1836 г. в составе собрания сочинений), включили в себя наблюдения Шамиссо естественно-научного (зоология, ботаника) и этнолингвистического плана [Стрельникова].

путешествие, успешно справляться с северными бурями. Однако нам предстояло плыть на родину»⁸.

А вот так Шамиссо рассказывает об экскурсии к вулкану Тааль [Chamisso, 1822, р. 361–366] и общении с местными жителями.

«Кавите, расположенный на краю мыса, который вдается в красивый залив Манилы и образует там разделительную полосу, является наименее удобным местом для иностранца, который хочет воспользоваться краткосрочной остановкой, чтобы познакомиться с природой страны. Язык земли и побережье залива вплоть до Манилы полностью возделаны и принадлежат человеку. Между деревнями и домами видны только рисовые поля, сады и плантации, на которых растут растения двух Индий. Нам удалось совершить восьмидневную экскурсию вглубь острова только к вулкану Таал, расположенному в лагуне Бонгбонг. Военный эскорт, который сопровождал нас, был для нас очень бесполезным затруднением и увеличивал расходы на поручение, для которого нам понадобился бы только проводник среди добрых и гостеприимных тагальцев. Остров Лусон обычно высокий и гористый; однако самые высокие вершины, похоже, не выходят за пределы леса» [Chamisso, 1826, р. 316–317].

«На третий день мы достигли края кратера, откуда можно было обозреть лагуну Бонгбонг и лишенный растительности, мрачный вулкан Тааль. Оттуда через лес мы спустились на запад к нынешнему селению Тааль на берегу Китайского моря. Здесь у нас пропала лошадь. Часть утра 15-го я провел в бане, а после обеда вместе с доном Пепе и одним из тагалов поднялся в легкой лодке вверх по течению реки, берущей начало в лагуне. Мы отдохнули в бедной рыбацкой хижине и ночью вновь подплыли к переправе, чтобы оттуда отправиться на вулкан». Интересно, как местный тагал, бывший

проводником у Шамиссо во время подъема на вулкан, воспринимал идею русского натуралиста посетить Тааль: «Здесь дон Пепе заклинал меня соблюдать осторожность, осматривая все без лишнего шума. Вулкан, относящийся миролюбиво к местным жителям, всякий раз, когда приходит испанец, грозит новым извержением. Я ответил доброму тагалу, что я не испанец, а русский — уловка, которая, кажется, не ослабила его опасений. Я решил не перечить ему, а выполнять все его указания. Впрочем, он забыл о них скорее, чем я.

Мы высадились на острове с наветренной стороны. Первые лучи солнца застали нас на краю адского котла. Когда мы шли по этому краю в поисках места, откуда удобнее было бы спуститься вниз, дон Пепе забыл о всякой осторожности. Его привело в восторг то, что мы идем на такой риск, на какой, как он полагал, никто до нас идти не решился, да и вряд ли сможет отважиться и после нас. Из всех людей только мы ступили на эту тропу. Я скромно обратил его внимание на то, что до нас уже здесь побывал скот: по берегам острова кое-где растет трава и, чтобы она не пропадала, сюда завезли коров. Не могу понять, что могло побудить их карабкаться на крутой голый конус, состоящий из лавы, и потом прокладывать тропинку через край обрыва»⁹.

Манилу, которую Шамиссо также посещал, он описывает не очень подробно, но упоминает, что там русских неизменно хорошо принимали, что в городе нет гостиниц, но можно найти дом, в котором остановиться у местных господ, рассказывает о том, как пробовал первые в сезоне манго. Как будет видно из дальнейшего рассказа, в чем-то впечатления Шамиссо перекликаются с впечатлениями русского писателя Ивана Гончарова, посетившего Манилу в 1854 г.

«Я еще ничего не сказал о самой Маниле, куда не раз совершал маленькие экскурсии по суше

8 Шамиссо А. *Путешествие вокруг света. От Гуахама до Манилы. Пребывание в Маниле* / пер. А. М. Модель. URL: <https://coollib.com/b/233928-adelbert-shamisso-puteshestvie-vokrug-sveta/read> (accessed 31.03.2023).

9 Шамиссо А. *Путешествие вокруг света. От Гуахама до Манилы. Пребывание в Маниле* / пер. А. М. Модель. URL: <https://coollib.com/b/233928-adelbert-shamisso-puteshestvie-vokrug-sveta/read> (accessed 31.03.2023).

и по воде вдоль хорошо возделанного берега бухты и где мне неизменно оказывали самый сердечный, дружеский прием. В Маниле нет гостиниц, и там нашим хозяином был доктор дон Хосе Амадор, которому нас рекомендовал губернатор Марианских островов. Опекуном его милой жены был дон Сан Яго де Эчапарре. Ее умерший здесь отец был его земляком и коллегой по службе. Очаровательная сеньора говорила только по-испански. Во время нашей первой поездки в Манилу дон Хосе Амадор отсутствовал, и нас принял адъютант губернатора дон Хуан де ла Куэста, который был весьма предупредителен к капитану и ко всем остальным. В его доме царил непринужденная, приятная атмосфера. Мы скинули свои одежды, в которых представлялись генерал-губернатору Филиппин, и хозяин дал нам легкие куртки, соответствующие местному климату.

Моим главным занятием в Маниле были поиски в библиотеках и в монастырях людей и книг, у которых и откуда можно было бы почерпнуть сведения о народах и языках Филиппин и Марианских островов. Я уже сообщал о том, что мне удалось и чего не удалось добиться в этом отношении. В короткое время я составил себе хорошую библиотеку из трудов тагаловедов и историков Манилы. Некоторые из книг я купил, но большинство было мне подарено; в ответ я также вынужден был дарить книги. Повсюду я встречался с высокогуманным образом мыслей, с величайшей готовностью прийти на помощь и весьма вежливыми манерами.

Мы были на Лусоне в то время, когда манго еще не созрело. Этот широко известный и высоко ценимый фрукт, который произрастает здесь в избытке, составляет, по-видимому, существенную часть пищевого рациона населения. Нам

удалось раздобыть плоды единственного созревающего в этот сезон сорта манго и после обеда распределить их среди экипажа. Порция была слишком мала, поэтому не могу сказать о нем ничего определенного. Вообще мы пробовали лишь те фрукты жаркой зоны, которые можно достать в любое время года. Никаких манго! Никаких ананасов! Никакой евгении¹⁰! И тому подобного!»¹¹.

ИВАН ГОНЧАРОВ В МАНИЛЕ

Еще один русский путешественник, посетивший Манилу уже во второй половине XIX века, в 1854 г., и оставивший подробные записки о своем пребывании — Иван Гончаров. Будучи человеком пера, писателем, он, безусловно, писал куда более подробно и красочно, нежели художник Хорис или натуралист Шамиссо.

Записки Гончарова о путешествии в Японию (1852/55) получили жизнь в виде публицистического труда под названием «Фрегат Паллада», опубликованного в 1856 г. Он служил секретарем русской экспедиции, пытавшейся установить торговые отношения с Японией. Поездка охватила не только Японию, но и Англию, Южную Африку, Китай, Филиппины и другие страны¹². И здесь мы коснемся непосредственно той главы из книги Гончарова, которая посвящена Филиппинам и называется «Манила».

Примечательно, что одно из самых первых впечатлений путешественника о Маниле, еще только на заходе корабля в Манильскую бухту — это звук колокола: «Но чу! колокол! Давно я не слышал благовеста. Густые и протяжные звуки разнеслись по рейду и смолкли. Я смотрел на городские огни: все кругом их таилось в сумраке. У меня на душе зашевелилось приятное чувство

10 Евгения (Eugenia) — тропическое сочноплодное растение из семейства миртовых, культивируемое ради съедобных плодов.

11 Шамиссо А. *Путешествие вокруг света. От Гуахама до Манилы. Пребывание в Маниле*. Пер. А. М. Модель. URL: <https://coollib.com/b/233928-adelbert-shamisso-puteshestvie-vokrug-sveta/read> (accessed 31.03.2023).

12 Tyler A. If It's Not Russian, He Hates It. *The New York Times*. September 20, 1987. Section 7. Page 9. URL: <https://www.nytimes.com/1987/09/20/books/if-it-s-not-russian-he-hates-it.html?auth=login-google1tap&login=google1tap> (accessed 31.03.2023).

любопытства; в воображении поднялись из праха забвения картины и образы католического юга. Мне захотелось вдруг побывать в древнем монастыре, побродить в сумраке церквей, поглядеть на развалины, рядом с свежей зеленью, на нищету в золотых лохмотьях, на лень испанца, на красоту испанки...»¹³.

Интересны и первичные знания Гончарова о Маниле и местных обычаях. Из сочинений других европейских путешественников он узнает следующее: «Но говорят и пишут, между прочим, американец Вилькс, француз Малля (Mallat), что здесь нет отелей; что иностранцы после 11-ти часов удаляются из города, который на ночь запирается, что остановиться негде, но что зато все гостеприимны и всякий дом к вашему услугам. Это заставляет задумываться: где же остановиться, чтоб не быть обязанным никому? есть ли необходимые для путешественника удобства?».

Русские путешественники ассоциируют название города Манила с чем-то цветущим, поэтичным, роскошным, а встречают реку Пассиг — запруженную лодками, джонками, полную кипучей деятельности; ряды грязноватых пакгаузов, домов, длинных заборов; отсутствие зелени, хорошо укрепленную крепость, охраняемую солдатами.

Отдельное впечатление русских — удушливая жара, горячий воздух города и не самые приятные запахи, совсем не цветочные, источник которых также быстро обнаруживается. Вот, что пишет Гончаров: «Мы вошли в улицу, состоящую из сплошного ряда лавок, и вдруг угадали причину запаха: из лавок выглядывали бритые досиня китайские головы и лукавые физиономии. Прямые азиатские жиды: где их нет? и всюду разносят они запах чесноку, сандалового дерева и растительного масла. Здесь они, однако ж, почище, нежели в Сингапуре и Гонконге, и лавки у них поопрятнее, похожи на наши гости-

ные дворы, только с жильем вверху. Здесь меньше кузнецов, столяров; не видать, чтоб жарили и пекли на улице. Но голых много. Неприятно видеть эти белые и дряблые тела: точно провизия какая-нибудь выставлена напоказ между частью баранины и окороком ветчины»¹⁴.

Жара и напрямую связанная с ней традиция сиесты или дневного отдыха добавили деталей в образ Манилы — русские путешественники, добираясь до отеля, столкнулись сразу с двумя проблемами: никого нет на улицах, а если кто-то и есть, то не говорит ни на французском, ни на английском. Интересен и тот факт, что если проблема языка в наше время нивелировалась, поскольку наряду с тагальским, вторым государственным языком на Филиппинах является язык международного общения — английский, то пустые улицы днем — это такое же привычное явление, как и в XIX веке. И как тогда, и сейчас почти никто не ходит по городу пешком, в особенности в часы дневного зноя.

Сталкиваются путешественники в описании Гончарова и с трудностями местного быта, обусловленными сильной жарой. Так, добравшись до отеля и расспросив хозяина-француза, они узнают, что «церкви видеть нельзя: они заперты», «служат до восьми часов утра; позже — жарко», «на фабрику сигар надо до одиннадцати часов утра; к полудню все расходятся отдыхать: жарко», «коляску дать нельзя: здесь ездят с раннего утра до полудня, потом с пяти часов до десяти и одиннадцати вечера; иначе заморишь лошадей»¹⁵. Также неприятным открытием для русских гостей Манилы стал тот факт, что иностранцев неохотно пускают вглубь страны, а для посещения различных мест в Маниле нужно получить разрешение губернатора.

Одно из сильных впечатлений в любом путешествии — местная кухня, и Гончаров со спутниками имеют возможность оценить филиппинскую кулинарию: «Чего не было за столом!

13 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. Манила. От Лю-чудо Манилы. Т. 2. 1858. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

14 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

15 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

Мяса решительно все и во всех видах, живность тоже; зелени целый огород, между прочим, кукуруза с маслом. Но фруктов мало: не сезон им». Главное, что запоминается нашим людям, — это обилие блюд на столе — 20–30 — и все вперемешку (и английские, и французские, и испанские блюда). И при этом богатстве и разнообразии блюд, отсутствие хорошего чая и сахара. Вот как пишет об этом Гончаров: «Я ушел на балкон и велел туда принести себе чай. Боже мой, какая микстура! Полухолодный, темный и мутный настой, мутный от грязного сахарного песку. В Маниле родится прекрасный сахар и нет ни одного завода для рафинировки. Все идет отсюда вон, больше в Америку, на мыс Доброй Надежды, по китайским берегам, и оттого не достанешь куска белого сахара. Нужды нет, что в двух шагах от Китая, но не достанешь и чашки хорошего чаю. Я убеждаюсь более и более, что иностранцы не знают, что такое чай, и что одни русские знают в нем толк»¹⁶. Как бы странно это ни звучало, но даже в наши дни эта тенденция сохраняется — по личным впечатлениям автора, найти на Филиппинах хороший черный чай достаточно трудно, зато везде есть кофе!

Описывает Гончаров и представителей местного тагалского населения (отдельно женщин и мужчин), которых часто в тексте повествования называет индийцами. «Тагалы нехороши собой: лица большею частью плоские, овальные, нос довольно широкий, глаза небольшие, цвет кожи не чисто смуглый. Они стригутся по-европейски, одеваются в бумажные панталоны, сверху выпущена бумажная же рубашка; у франтов кисейная с вышитою на европейский фасон манишкой. В шляпах большое разнообразие: много соломенных, но еще больше европейских, шелковых, особенно серых. Метисы ходят в таком же или уже совершенно в европейском платье.

Женщины, то есть тагалки, гораздо лучше мужчин: лица у них правильнее, глаза смотрят живее, в чертах больше смысленности, лукавства,

игры, как оно и должно быть. Они большие кокетки: это видно сейчас по взглядам, которыми они отвечают на взгляды любопытных, и по подаваемым улыбкам. Как хорош смуглый цвет при живых, страстных глазах и густой черной косе, которая плотным узлом громоздится на маленькой голове напоказ всем, без всякого убора! Вас поразила бы еще стройность этих женщин: они не высоки ростом, но сложены прекрасно, тем прекраснее, что никто, кроме природы, не трудился над этим станом. Нет ни пояса, ни тесемки около поясницы, ничего, что намекало бы на шнуровку и корсет. Весь костюм состоит из бумажной, плотно обвитой около тела юбки, без рубашки; юбка прикрыта еще большим платком — это нижняя часть одежды; верхняя состоит из одного только спенсера, большею частью кисейного, без всякой подкладки, ничем не соединяющегося с юбкою: от этого, при скорой походке, от грациозных движений тагалки, часто бросается в глаза полоса смуглого тела, внезапно открывающаяся между спенсером и юбкой»¹⁷.

Удостаивается внимания писателя и архитектура города, а именно — главной площади. «Я пошел по площади кругом; она образует параллелограмм: с одной стороны дворец генерал-губернатора — большое двухэтажное каменное здание новейшей постройки; внизу, в окнах, вместо рам большие железные решетки. Здесь все дома в два этажа; в нижних этажах помещаются лавки и кладовые, но не жилые покои, по причине землетрясений. Здания строятся по двум способам: или чрезвычайно массивно, как строятся монастыри, казармы, казенные дома, так что надо необыкновенное землетрясение, чтоб поколебать громадные стены этих зданий; или же сколачиваются на живую нитку, вроде балаганов, как выстроена фонда и почти все другие частные дома. В них потолки и полы так легки и эластичны, что покоряются движению почвы и, пошатавшись немного, остаются на своем месте.

16 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. 1858. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

17 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

Здесь, говорят, все привыкли к землетрясениям: и дома, и люди. Напротив дворца — ратуша с башенкой наверху. С третьей стороны собор, на четвертой — ряд больших, выстроенных в линию, частных домов»¹⁸.

А вот деревни, провинция во многом напоминают Гончарову русские же деревни и нравы сельской местности. Вот, что он пишет: «Мне напомнило детство и наши провинции множество бумажных змей, которые мальчишки спускали за городом на каждом шагу. Только у нас, от одного конца России до другого, змеи все одни и те же, с знаменитым мочальным хвостом и трещоткой, а здесь они в виде бабочек, птиц и т. п.» При этом, в отличие от русской деревни здесь можно встретить и вовсе странные варианты жилища и быта: «Некоторые хижины едва походили на человеческое жильё. У иной подставки покривились так, что нельзя и угадать, как она держится. Из нее вылезет ребенок, выскочит курица или прыгнет туда же собака и сидит там рядом с цыпленком и с самим хозяином. В другом месте все жилище состоит из очага, который даже нельзя назвать домашним, за отсутствием самого дома; на очаге жарится что-нибудь; около возится старуха; вблизи есть всегда готовый банан или грядя таро, картофеля. Здесь больше и не нужно»¹⁹.

Занимательно и описание характера тагалов, которое русские путешественники получают от знакомого француза, подтверждающего, что тагалы самый счастливый народ на свете: «Они ни в чем не нуждаются, — сказал он, — работают мало, и, если выработают какой-нибудь реал в сутки, то есть восьмую часть талера (около 14 коп. сер.), то им с лишком довольно на целый день. Индеец купит себе рису; банан у него есть, сладкий картофель или таро тоже — и обед готов. Еще останется ему на что купить кокосовой водки. Испанцы обходятся с ними хорошо, кротко, и тагалы благословляют свою участь. Конечно, они могли бы быть еще деятельнее,

следовательно, жить в большем довольстве, не витать в этих хижинах, как птицы; но для этого надобно, чтоб и повелители их, то есть испанцы, были подейтельнее; а они стоят друг друга: tel maître, tel valet [каков хозяин, таков и слуга (фр.)]»²⁰ Этот образ тагала — человека дружелюбного, веселого и весьма при этом расслабленного, довольного своей жизнью, несмотря на возможные невзгоды или даже не лучшее материальное положение, не стремящегося постоянно к чему-то большему, жив и в наши дни. Во многом именно такое впечатление складывается у современных русских туристов от общения с филиппинцами на их родине.

Отдает должное писатель досугу и любимым развлечениям филиппинцев. Гончаров несколько раз упоминает, что тагала невозможно представить без петуха, поскольку практически все держат этих птиц, но не столько в целях пропитания, сколько для петушиных боев, которые у тагалов в большом почете. Иван Александрович, рисуя образ типичного тагальского дома в деревне отдельно подчеркивает, что на пороге его часто можно увидеть филиппинца, занятого своими делами, а рядом обязательно будет петух.

В конечном счете Гончарову удастся непосредственно поприблизиться на таких петушиных боях и описать их: «Но вот и цирк, вот и петухи. Цирк — это исполинская бамбуковая клетка, в какую сажают попугаев, вся сквозная: снаружи издали можно видеть, что в ней делается. В ней три яруса галерей для зрителей, а посредине круглая арена для бойцов. Крыша коническая, сплетена тоже из бамбуковых жердей и потому сквозная, но в ней, сверх того, есть несколько люков для воздуха. Мы с трудом пробрались сквозь густую толпу народа ко входу, заплатили по реалу и вошли в клетку. Зрителей было человек до пятисот в самой клетке да человек тысяча около. Последние не зрители, а участники. У всякого под мышкой был петух. Публика вся состояла из тагалов, китайцев и метисов. Мы

18 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

19 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

20 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

пробрались в верхнюю галерею и с трудом отыскали три свободные места. Женщинам нельзя сидеть в этих сквозных галереях, особенно в верхних этажах: поэтому в цирке были только мужчины да петухи — ни женщин, ни кур ни одной. Но зато какое множество петухов! какое свирепое, непрерывное пение раздавалось в клетке и около нее!

На арене ничего еще не было. Там ходил какой-то распорядитель из тагалов, в розовой кисейной рубашке, и собирал деньги на ставку и за пари. Я удивился, с какой небрежностью индийцы бросали пригоршни долларов, между которыми были и золотые дублоны. Распорядитель раскладывал деньги по кучкам на полу, на песке арены. На ней, в одном углу, на корточках сидели тагалы с петухами, которым предстояло драться...

Между тем хозяева петухов сняли с стальной шпоры, прикрепленной к одной ноге бойца, кожаные ножны. Распорядитель подал знак — все умолкло. Петухов бросили друг на друга. Один из них воспользовался первой минутой свободы, хлопнул раза три крыльями и пропел, как будто хотел душу отвести; другие, менее терпеливые, поют, сидя у хозяев под мышками. Пропев, он обратился было к своим мирным занятиям, начал искать около себя на полу, чего бы поклевать, и поскреб раза два землю ногой. Но хозяин схватил его, погладил, дернул за подбородок и бросил на другого, который рвался из рук хозяина. Тогда у обоих бойцов образовались из перьев около шеи манжеты, оба нагнули головы и стали метить друг в друга. Долго щетинились они, наконец оба вспрыгнули вдруг, и один перескочил через другого, и тотчас же опять построились в боевую позицию, и опять нагнулись. Потом раза три сильно сшиблись; полетело несколько перьев по сторонам. Опять один перескочил через другого, царапнул того шпорой, другой тоже перескочил и царапнул противника так, что он упал на бок, но в ту же минуту встал и с новой яростью бросился на врага. Тут уж ничего

больше разобрать было нельзя: рыцари дрались в общей свалке, сшибались, часто и сильно впились друг другу в гребень, то один повалит другого, то другой первого». Особенно впечатлила Гончарова в этом действе реакция зрителей: «Всякий раз, при сильном ударе того или другого петуха, раздавались отрывистые восклицания зрителей; но когда побежденный побежал, толпа завyla дико, неистово, продолжительно, так что стало страшно. Все привстали с мест, все кричали. Какие лица, какие страсти на них! и все это по поводу петушьей драки!»²¹.

Поскольку путевые заметки Гончарова вовсе не сопровождаются никакими рисунками, автор статьи позволила себе проиллюстрировать петушиный бой материалом из приводившего ранее в тексте издания Жироньера (*Илл. 6*):

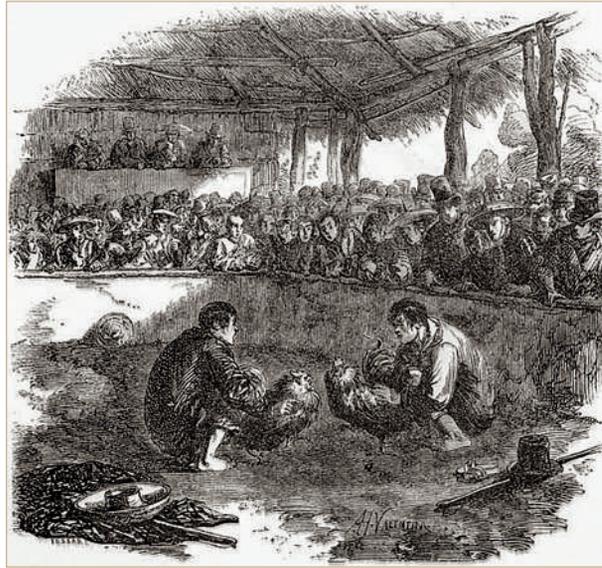
По достоинству оценивает Гончаров и творческое начало в среде местного населения. Так, он бесспорно признает, что тагалы — большие мастера в музыке, в особенности в ее исполнении. Вот как он описывает местные оркестры: «...и вдобавок ко всему — прекрасная музыка. Здесь восемь полковых оркестров и, кроме того, множество частных — до трехсот, сказал кто-то: пошутил, верно. А кто знает, может быть, и правда... Музыканты все тагалы: они очень способны к искусствам вообще. У них отличный слух: в полках их учат будто бы без нот. Не знаю, сколько правды во всем этом, но знаю только, что игра их сделала бы честь любому оркестру где бы то ни было — чистотой, отчетливостью и выразительностью.

Оркестры, один за другим, становились у дворца, играли две-три пьесы и потом шли в казармы. Играли много, между прочим из Верди, которого здесь предпочитают всем, я не успел разобрать почему: за его оригинальность, смелость или только потому, что он новее всех»²².

Хвалит Гончаров и искусство резьбы по дереву, которое встречается ему в работе тагалских мастеров в одной из испанских церквей. При

21 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

22 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

Илл. 6. Анри Валентен
Петушинный бой

По: [Gironière, 1855, с. 55]

Fig. 6. Henry Valentin. *Combat de coqs*

Source: [Gironière, 1855, p. 55]

URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/21804/pg21804-images.html> (accessed 31.03.2023)

этом, правда, ругает филиппинцев за их дурную живопись.

«По узенькой, извилистой лестнице вошли мы прямо на хоры главной церкви и были поражены тонкостью и изяществом деревянной резьбы, которая покрывала все стены на хорах, кафедру, орган — все. Дерево темное, с нежными оттенками. “Кто это работал? — спросил я с изумлением, — ужели из Европы привезли? в Европе это буазери стоило бы невероятных цен”. — “Всё индийцы, тагалы, — сказали они. — Вон смотрите: они работают и теперь. Церковь пострадала от землетрясения в прошедшем году, и ее теперь поправляют, и живопись здесь — все тагалов же”. Я бросил беглый взгляд на образа — нет, живопись еще в младенческом состоянии у тагалов. В музыке, лепных и резных работах они далеко впереди. Что касается до картин, то они мало чем лучше тех, что у нас иногда продают на тротуаре, на улицах»²³.

И все же можно резюмировать, что Иван Александрович скорее видит в местном населении людей вполне творческих и искусных. Безусловно, как и любому другому путешественнику, попавшему в мир совершенно другой

культуры, другого климата и быта, ему удивительны некоторые совершенно обыденные для местных вещи. Так, в первый же день своего пребывания в Маниле Гончаров поражается тому, что вставлено в здешних домах вместо стекла в окнах — нечто отдаленно напоминающее слюду, но прозрачнее и красивее. Объяснение находится быстро, — и простое: в оконные рамы вставлен перламутр. Это проще и дешевле, поскольку раковин, и следовательно, перламутра на Филиппинах в избытке, и он всегда в доступе, а стекло — редкое и дорогое явление, а в условиях постоянных землетрясений и, соответственно, убытков на ремонт зданий, использование стекла становится вдвойне невыгодным предприятием.

Точно также изумляется Гончаров и способности тагалов к активной деятельности, в особенности к танцам, большой их любви к ним — в условиях бесконечной жары, когда и просто-то ходить тяжело, не то, что танцевать.

Во всех этих небольших впечатлениях, удивлении простыми вещами перед читателем предстает то, как на деле проявляется разница культур, как человек — образованный для

23 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада». Манила. От Лю-чу до Манилы*. Т. 2. 1858. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

своего времени — выросший в условиях севера, со всеми отсюда вытекающими последствиями, воспринимает мир юга — совершенно непохожий, другой, иногда кажущийся диким. Идут десятилетия, даже столетия, но не так уж много поменялось в мире в этом отношении.

Понравилась ли Манила Гончарову или разочаровала? Какое общее впечатление сложилось о Филиппинах у русского писателя? Одна из современных версий ответа на этот вопрос отражена в статье в филиппинском издании, в котором автор кратко и емко вычленил лишь некоторые из впечатлений, полученных Гончаровым, и при этом делает упор именно на те из них, что были не слишком хороши²⁴. Можно ли сделать из этого заключение, что филиппинский журналист считает — русскому писателю XIX в. Манила не пришлась по душе? Сложно ответить на этот вопрос однозначно. Однако, говоря словами самого Гончарова: «Вы недовольны? И я тоже. Я сам ожидал чего-то больше. А чего? Может быть, ярче и жарче колорита, более грез поэзии и побольше жизни, незнакомой нам всем, европейцам, жизни своеобразной: и нашел, что здесь танцуют, и много танцуют, спят тоже много и краснеют всего, что похоже на свое. Выше я уже сказал, что, вопреки климату, здесь на обеды ездят в суконном платье, белое надевают только по утрам, ходят в черных шляпах, предпочитают нежным изделиям манильской соломы грубые изделия Китая, что даже индеец рядится в суконное пальто вместо своей воздушной ткани, сделанной из растения, которое выросло на его родной почве, и старается походить на метиса, метис на испанца, испанец на англичанина»²⁵.

Выходит, образ Манилы виделся Гончарову более самобытным, колоритным, не таким европейским. Но нельзя сказать, что город и люди вызвали у него исключительно отрицательные впечатления. Но, пожалуй, лучше всего запомнилась путешественнику природа острова Лусо-

на, восхитила его, пусть даже он не захотел жить на Филиппинах.

Вывод будет кратким — и в упомянутых случаях, и во время других визитов русских на Филиппины, их всегда дружелюбно и хорошо принимали, а сами русские мореплаватели составляли хорошее мнение о стране и местных жителях. Таким образом, мы наблюдаем исключительно дружественное отношение друг к другу двух таких географически далеких и разных по культуре наций. Эта тенденция сохраняется и в наши дни.

Все самое интересное уже сказано, а все, что автор оказался не в силах уместить в ограниченные объемы статьи, читатель сможет найти в первоисточниках, в особенности в записках Ивана Александровича Гончарова, которые стоят того, чтобы с ними ознакомиться. Однако, нам со своей стороны хотелось бы завершить эту работу небольшой галереей дополнительных иллюстраций, которые прекрасно отражают все вышеописанное и дают наглядное представление об образах Филиппин и Манилы XIX в. такими, какими их увидели сперва Л. Хорис и А. Шамиссо, а позднее — И. А. Гончаров.

Нижеследующие литографии²⁶, показывающие различные аспекты жизни на Филиппинах в начале XIX столетия, — это только часть из собрания 65 рисунков, вошедших в том картографического издания, выпущенного после кругосветного плавания корвета «Сенявин» по заказу императора Николая I, совершенного в 1826–1829 годах под командованием капитана Федора Литке. Книга, “*Voyage autour du Monde exécuté par ordre de Sa Majesté l’Empereur Nicolas Ier, sur la Corvette Le Sényavine, dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829, Sous le Commandement de Frédéric Lutké*”, основанная на этом путешествии и опубликованная на французском языке в начале 1830-х годов, содержала новую информацию, представляющую большой инте-

24 Ocampo A. R. Goncharov, a Russian in 19th century Manila. *The Inquirer*. October 12, 2018. URL: <https://opinion.inquirer.net/116694/goncharov-russian-19th-century-manila> (accessed 31.03.2023).

25 Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

26 Взято с сайта библиотеки Конгресса США. См.: URL: <https://www.loc.gov/resource/>

Илл. 7. Остров Лусон (Филиппины). 1826 г.

Fig. 7. Ile Lucon (Philippines) vue dans l'intérieur, 1826

Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/gdclcn.2018689509/?r=-0.219,-0.16,1.439,0.832,0>
(accessed 31.03.2023)

рес для географов и более широкого научного сообщества Европы того времени. Путешествие «Сенявина» привело к появлению новых карт и названий новых островов и географических объектов в Беринговом море и на более широких участках Тихого океана. Литке посетил Новый Архангельск (современная Ситка), столицу Русской Америки, а также Уналашку, острова Прибылова, остров Святого Матфея и Командорские острова в Беринговом море. После остановки для снабжения в Петропавловске на Камчатке «Сенявин» обследовал азиатское побережье России до Берингова пролива. Литке также плавал в другие регионы Тихого океана, включая Вальпараисо в Чили, острова Бонин (современные острова Огасавара, Япония), Марианские острова, острова Сенявин (открытые Литке в Микронезии), Манилу и Лусон на Филиппинах и Каролинские острова. Как было принято в таких плаваниях,

Литке сопровождали ученые и художники. Многие из ученых были в то время ведущими специалистами в своих областях. Среди них были геолог Александр Постельс и орнитолог Фридрих Генрих фон Китлиц, которые во время путешествия выявили много новых видов птиц. Оба мужчины нарисовали множество рисунков на природные и этнографические сюжеты, на основе которых созданы эти литографии.

Литографии отлично иллюстрируют те стороны жизни филиппинцев, которые были упомянуты и/или описаны русскими мореплавателями корабля «Рюрик» и позднее — Иваном Гончаровым. Именно поэтому автором данной работы было принято решение включить их в статью для большей наглядности. В этих изображениях перед читателем предстают и буйная природа Филиппин (Илл. 8), и сельская жизнь простых филиппинцев на рисовых полях или в деревнях (Илл. 7, 12), и красочно описанная

Илл. 8. Вид на остров Лусон (Филиппинские острова). 1826 г.

Fig. 8. *Vue dans l'intérieur de l'île Luçon (iles Philippines)*. 1826

Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/gdclccn.2018689509/?r=-0.219,-0.16,1.439,0.832,0>
(accessed 31.03.2023).

Илл. 9. Вид на реку Пассиг на острове Лусон (Филиппинские острова). 1826 г.

Fig. 9. *Vue de la rivière Passig dans l'île Luçon (iles Philippines)*. 1826

Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/gdclcn.2018689511/?r=-0.017,0.088,1.106,0.639,0>
(accessed 31.03.2023)

Илл. 10. Вид на Манилу, столицу острова Лусон (Филиппинские острова). 1826 г.

Fig. 10. *Vue de Manila, capitale de l'île Luçon (iles Philippines)*. 1826

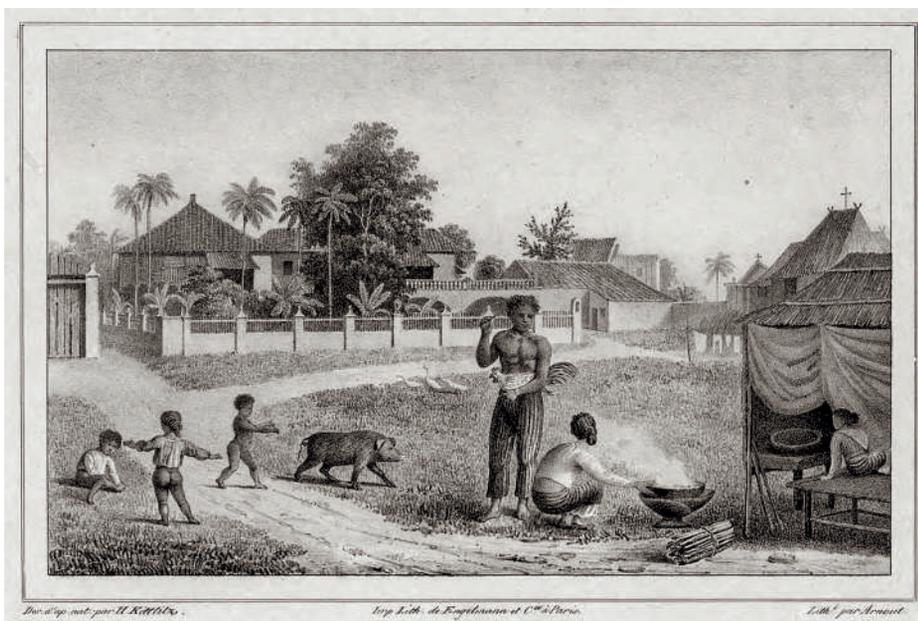
Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/gdclcn.2018689512/?r=-0.184,-0.017,1.361,0.786,0>
(accessed 31.03.2023)

Илл. 11. Улица Манилы, столицы острова Лусон (Филиппинские острова). 1826 г.

Fig. 11. Rue à Manila, capitale de l'île Luçon (îles Philippines). 1826

Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/gdclccn.2018689513/?r=-0.142,-0.039,1.276,0.738,0>
(accessed 31.03.2023)

Илл. 12. Жители острова Лусон (Филиппины). 1826 г.

Fig. 12. Ile Luçon (Philippines) habitation. 1826

Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/gdclccn.2018689510/?r=-0.145,-0.029,1.28,0.739,0>
(accessed 31.03.2023)

Илл. 13. Повседневная жизнь на крестьянской улице в Харо, Панай, Филиппины
Fig. 13. Everyday life on a peasant street in Jaro, Panay, Philippines
Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/stereo.1s35287/> (accessed 31.03.2023)

Илл. 14. В старой испанской церкви недалеко от Харо, Панай, Филиппины
Fig. 14. In an old Spanish church near Jaro, Panay, P. I.
Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/stereo.1s35289/> (accessed 31.03.2023)

Илл. 15. Традиционные дома недалеко от Манилы, Филиппины
Fig. 15. Native houses near Manila, P. I.
Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/stereo.1s35364/> (accessed 31.03.2023)

Илл. 16. Филиппинцы за ужином, о-в Лусон, Филиппины
Fig. 16. Filipinos at dinner, island of Luzon
Source: URL: <https://www.loc.gov/resource/stereo.1s35332/> (accessed 31.03.2023)

Гончаровым европеизированная архитектура и кипучая жизнь на улицах Манилы (Илл. 10, 11), и традиционные филиппинские лодки бангка (Илл. 9).

Более поздние литографии из коллекции библиотеки Конгресса США, датируемые 1860 г., т. е. являющиеся более близкими по времени к 1854 г., когда Филиппины посетил Гончаров, дают возможность лицезреть вполне европейского вида город (Илл. 13) с чистыми ухоженными улицами, добротными двухэтажными каменными зданиями; интерьер испанской церкви, кои живописал еще Гончаров (Илл. 14); совсем не похожие на европейские, традиционные местные дома тагалов в окрестностях Манилы, о которых И. Гончаров также писал в своих путевых заметках (Илл. 15); и наконец — картинку домашней жизни простого люда, показанную на примере ужина в тагальской семье (Илл. 16).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Биография: Хорис Логгин (Людвиг) Андреевич [Biography: Choris Loggin (Ludvig) A. (in Russian)] URL: <https://biographiya.com/xoris-loggin-lyudvig-andreevich/> (accessed 31.03.2023).

Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада». Манила. От Лю-чу до Манилы.* Т. 2. 1858 [Goncharov I. A. *Frigate "Pallada". Manila. From Lu-Chu to Manila.* Vol. 2 (in Russian)]. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 31.03.2023).

Стрельникова А. А. Шамиссо. *Большая российская энциклопедия*, 2004–2017 [Strelnikova A. A. Chamisso. *Great Russian Encyclopedia*, 2004–2017 (in Russian)] URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4690046> (accessed 31.03.2023).

Шамиссо А. *Путешествие вокруг света. От Гуахама до Манилы. Пребывание в Маниле* / пер. А. М. Модель [Chamisso A. *Journey around the world. From Guaham to Manila. Stay in Manila* / trans. by A. M. Model (in Russian)]. URL: <https://coollib.com/b/233928-adelbert->

<shamisso-puteshestvie-vokrug-sveta/read> (accessed 31.03.2023).

Chamisso A. de. *Les Iles Philippines. Nouvelles Annales des Voyages, de la Géographie et de l'Histoire ou Recueil des Relations Originales Inédites.* Tome XXX. Paris, publiées par MM. J. B. Eyries et Malte-Brun, 1826. 424 p.

Chamisso A. de. *Volcan de Taal. Voyage pittoresque autour du monde: avec des portraits de sauvages d'Amérique, d'Asie, d'Afrique, et des îles du Grand océan: des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d'histoire naturelle: accompagné de descriptions par m. le baron Cuvier, et m. A. de Chamisso, et d'observations sur les crânes humains, par m. le docteur Gall.* Paris: De l'imprimerie de Firmin Didot, 1822. Pp. 361–366.

Choris L. *Voyage pittoresque autour du monde, avec des portraits de sauvages d'Amérique, d'Asie, d'Afrique, et des îles du Grand Océan; des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d'histoire naturelle.* Paris: De l'imprimerie de Firmin Didot, 1822. 592 p.

Choris L. *Voyage pittoresque autour du monde.* Author note / American Journeys. Eyewitness Accounts of Early American Exploration and Settlement: A Digital Library and Center. URL: <https://www.americanjourneys.org/aj-087/summary/> (accessed 31.03.2023).

Choris L. *Iles Philippines // Voyage pittoresque autour du monde: avec des portraits de sauvages d'Amérique, d'Asie, d'Afrique, et des îles du Grand océan: des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d'histoire naturelle: accompagné de descriptions par m. le baron Cuvier, et m. A. de Chamisso, et d'observations sur les crânes humains, par m. le docteur Gall.* Paris: De l'imprimerie de Firmin Didot, 1822. Pp. 362–363.

Choris, Ludovik. *Au Cactus Francophone.* URL: <https://www.cactuspro.com/encyclo/Choris--Ludovik> (accessed 31.03.2023).

Gironière P. P. de la. *Aventures D'un Gentilhomme Breton aux Iles Philippines.* Paris au comptoir des Imprimeurs-Unis, Lacroix-Comon Quai Malaquais, 15 et chez L'auteur, 85, Rue de la Victoire, 1855. 458 p.

Gonzales R. *Journey of the Barong Tagalog, Addendum Part 17.1: 19th Century Russian Artist Illustrations of Life in the Philippines*. April 15, 2022. URL: <https://pineappleind.com/blogs/about-us/journey-of-the-barong-tagalog-addendum-part-17-19th-century-russian-artist-illustrations-of-life-in-the-philippines> (accessed 31.03.2023).

Ocampo A. R. Goncharov, a Russian in 19th century Manila. *The Inquirer*. October 12, 2018.

URL: <https://opinion.inquirer.net/116694/goncharov-russian-19th-century-manila> (accessed 31.03.2023).

Tyler A. If It's Not Russian, He Hates It. *The New York Times*. September 20, 1987. Section 7. Page 9. URL: <https://www.nytimes.com/1987/09/20/books/if-it-s-not-russian-he-hates-it.html?auth=login-google1tap&login=google1tap> (accessed 31.03.2023).

